

Крестовский Всеволод Владимирович

**Петербургские
золотопромышленники**

Очерки Всеволода Крестовского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Петербургские золотопромышленники: Очерки Всеволода Крестовского /
Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
186 с.

ISBN 978-5-519-91078-1

ISBN 978-5-519-91078-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

супругу было очень тепло, пока здравствовалъ пѣтушокъ. Но пѣтушокъ умеръ—и декорации перемѣнились. Коллежскаго ассесора, который стоялъ-было на дорожкѣ, оставили въ тѣни, да и на самого-то тѣнь набросили. Но главное дѣло не въ немъ, а въ Аннѣ Ивановнѣ и въ ея дочкѣ Ниночкѣ,— и потому мы покойника оставимъ мирно тлѣть въ тундрахъ Волкова кладбища.

Ниночка уродилась въ матушку. Въ то время, къ которому относится начало этого повѣствованія, ей минуло семнадцать лѣтъ. У нея были рыжеватенькіе волосы, бѣлое, румяное и полное личико, курносенькій носикъ съ расширенными ноздрями, маленькіе каріе глазки—вѣчно на побѣгушкахъ, и довольно толстыя полураскрытыя губы; вообще же она была недурна, и вотъ поэтому-то Анна Ивановна возлагала на нее многія упованія.

Она весьма принаряжала свою дочку и по праздникамъ отправлялась съ ней на гулянья. Если на встрѣчу имъ, въ паркѣ или

у Излера, попадался какой-нибудь солидной наружности старичокъ, напоминавшій Аннѣ Ивановнѣ покойнаго пѣтушка, и если этотъ старичокъ, облизываясь, уставлялъ на Ниночку свои масляные глазенки, Анна Ивановна немедленно толкала ее незамѣтнымъ образомъ въ бочекъ,—и Ниночка какъ нельзя лучше понимала смыслъ и значеніе этого нѣмаго, материнскаго толчка, который приглашалъ-ее изобразить на лицѣ своемъ скромно-привѣтливую и, въ тоже время, обворожительную улыбку.—И улыбка, самаго коварнаго свойства, немедленно появлялась на губахъ Ниночки, къ вящему соблазну дрожащаго старичка.

Но до сихъ поръ, волею судьбы, обстоятельства слагались такъ, что встрѣчи и улыбки не вызывали дальнѣйшихъ вождедѣйныхъ послѣдствій; тѣмъ не менѣе, Анна Ивановна не теряла въ перспективѣ самыхъ блистательныхъ надеждъ, потому что Ниночка все болѣе наливалась, какъ крупная вишня на вѣткѣ, и бойко хороуѣла.

II.

Между тѣмъ, дѣла по части «благородныхъ жильцовъ» шли не совсѣмъ-то успѣшно: апартаментовъ имѣлося на пять персонъ, а въ паличности у-Анны Ивановны состояло только двое кліентовъ: капитанъ Закурдайло и скромный, геморондальный чиновникъ Млекопитаевъ, въ рангѣ коллежскаго секретаря.

Капитанъ Закурдайло носилъ заливчатскіе черные усы и отличался стольже заливчатскими манерами. Между нимъ и скромнымъ чиновникомъ Млекопитаевымъ была нѣкотораго рода контра. Эта контра происходила собственно отъ діаметральной противоположности ихъ права. Млекопитаевъ въ департаментѣ аттестовался чиновникомъ добропорядочнымъ, кроткимъ и благочиннымъ; Закурдайло же въ полку былъ извѣстенъ, какъ стекло - вышибатель, мордобійца и вообще какъ человѣкъ самаго скандальзнаго направленія. Въ Петербургѣ находился онъ временно: хлопоталъ о переводѣ себя по комисаріатъ

ской части и на постоянное жительство въ столицѣ не располагалъ. Когда у него заводились деньги, то это было самое благопріятное для Млекопитаева время, ибо капитанъ на нѣсколько сутокъ пропадалъ изъ квартиры. Когда же денегъ не имѣлось, то Млекопитаевъ истинно страдалъ, ибо капитанъ, отъ нечего дѣлать, дразнилъ и училъ разнымъ штукамъ своего лягаваго пса, отчего тотъ лаялъ и вылъ неимоверно, или, лежа на кушеткѣ и задравъ ноги на комодъ, оралъ во все горло любимѣйшій свой романсъ. Но это бы все еще ничего, а главное то, что капитанъ приучилъ пѣть вмѣстѣ съ собою и пса. Чуть затынетъ онъ: «бывало, въ домѣ преобширномъ»,—какъ глядишь, ужъ и песъ начинаетъ вторить ему воемъ на всевозможныя собачьи тены, отъ глухаго басоваго рычанья до самаго пронзительнаго визга.

Бывало, скромный чиновникъ Млекопитаевъ, возвратясь отъ своихъ служебныхъ обязанностей, прежде всего встряхнетъ и аккуратно сложить свой форменный вицъ-мундиръ,

затѣмъ скромно и благоприлично сядетъ за пріуготовленную для него трапезу, пропустивъ предварительно въ желудокъ свой *пищеварительной*, и, насытившись, перейдетъ изъ за стола на кровать, гдѣ часика на два ждутъ его объятія... не подумайте чего либо непристойнаго! — нѣтъ, просто объятія Морфея.

И только что Морфей начнетъ обнимать скромнаго чиновника Млекопитаева, какъ за топкой стѣной вдругъ раздается громогласный романсъ:

«Бывало! въ домѣ преобширномъ,
Въ кругу друзей, въ кругу родныхъ,
Проводишь дни въ весельѣ мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

Послѣ возгласа «бывало!», возгласа, который особенно энергично пропозносялъ или, лучше сказать, выстрѣливалъ капитанъ Закурдаило, немедленно слѣдовалъ собачій вой, потрясавшій всѣ нервы Млекопитаева. И Млекопитаевъ въ просонкахъ вскакиваетъ съ кровати, и стоитъ нѣкоторое время какъ

опалѣлый. Способность сообразительности рѣшительно покидала его въ эти экстраординарныя минуты.

А за стѣной, между тѣмъ, продолжается неистовый дуэль:

«Бывало! блюдечко варенья
Или конфекты ѣшь одинъ
Пьешь кофе для обыкновенья,
Какъ будто важный господинъ!

— Милостивый государь! говоритъ просительнымъ тономъ чиновникъ Млекопитаевъ, постучавъ предварительно въ стѣну.

— Милостивый государь! откликается капитанъ Закурдайло, но откликается тономъ воинственнымъ, какъ власть имѣющій.

— Мнѣ весьма хочется спать, замѣчаетъ Млекопитаевъ.

— Съ чѣмъ васъ я поздравляю, я желаю спокойнаго сна и пріятныхъ сновидѣній! отвѣчаетъ капитанъ.

— Но... вы прерываете мой сонъ....

— Равно какъ и вы мое пѣніе.

— Но... вы нарушаете благочиніе...

— Бла-го-чиніе?... Да я развѣ не господинъ своей квартирѣ... Это мнѣ нравится! Трезоръ! подтягивай! вторь!...

«Бывало! предо мной поставятъ
Уху, или соусъ, или кремъ,
Лимономъ съ блажю приправятъ—
Снжу и ничего не ѣмъ! ѣмъ!! ѣмъ!!!

— Господинъ капитанъ! кричитъ Млекопитаевъ, теряющій надежду на объятія Морфея.

— Что вамъ угодно, господинъ коллежскій секретарь?

— Здѣсь жить, черезъ ваше пѣніе невозможно.

— Такъ переѣзжайте на другую квартиру.

— Я пойду жаловаться Аннѣ Ивановнѣ.

— Хоть самому генераль-губернатору!.. Трезоръ! подтягивай!...

«Бывало! срѣтскій квартальный
Не смѣетъ разсуждать со мной,
А пѣтъ—такъ тотчасъ вертикально
Летитъ въ канаву головой! вой!! вой!!!

— Господинъ капитанъ! господинъ капитанъ! вопиѣтъ между тѣмъ Млекопитаевъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ и затыкая уши отъ собачьяго вола.

— Отстанете ли вы отъ меня, господинъ коллежскій секретарь! кричитъ ему съ дивана Закурдайло. Что вы мнѣ мѣшаете предаваться моимъ мирнымъ занятіямъ! .. Если вы еще разъ потревожите меня, то будь я не капитанъ Закурдайло, если вамъ не придется испытать участь срътенскаго квартальнаго! Трезоръ, валяй!

• Бывало! миленьки дѣвнцы
Мнѣ говорятъ: жолн монъ-шеръ!
Прійди, прійди въ мою свѣтлицу!
Клянусь, какъ честный офицеръ.

— Анна Ивановна! Анна Ивановна! умоляетъ между тѣмъ, вбѣжавши въ комнату хозяйки, взволнованный и потрясенный Млекопитаевъ: я спать хочу, Анна Ивановна! я вашъ честный жилецъ, Анна Ивановна! я всегда вѣрно и аккуратно, безъ замедленія, плачу вамъ деньги — такъ за что же—съ меня

обижаютъ? Господинъ Закурдайло вотъ ужъ третій мѣсяцъ не платитъ вамъ ни кофѣйки да и мнѣ не даетъ покою со своимъ «бывало»—будь оно трижды проклято! Укротите его, Анна Ивановна!

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! что же мнѣ дѣлать! говорила Анна Ивановна, которой весьма не хотѣлось лишиться ни того, ни другаго изъ своихъ кліентовъ. Но, какъ дама пронырливая, она знала слабую струну каждаго своего постояльца и потому, изругавъ порядочно капитана (конечно за глаза) въ утѣху Млекопитаеву, она немедленно откомандировала хорошенькую Ниночку укротить неистовыхъ пѣвцовъ.

Дѣйствительно, съ появленіемъ хозяйской дочери на порогѣ капитанскаго апартамента, безплатный концертъ въ пользу г. Млекопитаева затихъ и, по ея просьбѣ, на сей разъ болѣе не возобновлялся.

Господинъ Млекопитаевъ могъ безпрепятственно удалиться въ свою комнату и снова предаться объятіямъ Морфея. Но увы! —

Морфей, возмущенный капитанским дуэтомъ, упорхнулъ и, разкапризившись, не хотѣлъ болѣе появляться на сцену.

Дѣлать нечего, пришлось приняться за *Сына Отечества*.—Господинъ Млекопитаевъ былъ постояннымъ и притомъ аккуратнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ подписчикомъ и читателемъ *Сына Отечества*. Долго его занимала какая то карриатура, въ которой какъ ни старался онъ добиться особеннаго, тайнаго смысла, но, не взирая на всѣ свои потуги и усилія, не нашелъ въ ней даже смысла простаго, обыкновеннаго, такъ называемаго здраваго; а потому, успокоившись на предположеніи, что редакторъ долженъ быть необыкновенно тонкій, политичный и умный человекъ, Млекопитаевъ принялся за свою завѣтную тетрадь, на первой страницѣ которой значилось: